

Посвящается Иден и Исайе

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. В моленной доме	9
1. Голые кости	12
2. На реках Вавилонских	29
3. Глиняные таблички	48
4. Житие Адама и Евы	73
5. В купальне	91
6. Первородная свобода, первородный грех	109
7. Убийство Евы	132
8. Варианты воплощения	152
9. Целомудрие и его недостатки	177
10. Политика рая	204
11. Обретение реальности	219
12. Люди до Адама	247
13. Отпадение	266
14. Сомнения Дарвина	285
Эпилог. В райском лесу	303
Приложение 1. Выборка толкований	321
Приложение 2. Выборка историй происхождения ...	328
Благодарности	335
Примечания	339

ПРОЛОГ

В молельном доме

В детстве родители говорили, что во время Ааронова благословения, завершающего субботнюю службу, всем прихожанам следует склонить голову и не поднимать глаз, пока не отзвучит последнее слово раввина. Это настолько важно, объясняли они, потому что сам Господь в этот момент пролетает над нашими головами — а никому не довелось выжить после встречи с Богом лицом к лицу.

Я долго ломал голову над этим запретом. Взглянуть в лицо Богу, размышлял я, должно быть прекраснее любого доступного человеку опыта. Ничто из того, что я смогу увидеть или испытать в еще только предстоящей мне жизни, не сравнится с ликом Всевышнего. Судьбоносное решение было принято: я подниму глаза и увижу Бога. Да, это будет стоить мне жизни, но цена не казалось слишком уж высокой. Родителям я не посмел открыть свое намерение, ведь они наверняка расстроятся и начнут меня переубеждать. Не признался я и старшему брату, Марти, из опасения, что он выдаст мою тайну. Мне предстояло действовать в одиночку.

Прошло еще несколько недель, прежде чем я набрался храбрости. Но, наконец, одним субботним утром, стоя в синагоге, я преодолел страх смерти. Медленно, под звук речитатива древней молитвы, я поднял голову. Пространство надо мной было абсолютно пустым. Более того, не я один поглядывал по сторонам. Многие прихожане глядели в окна, а некоторые даже исподтишка махали друг

другу и одними губами произносили слова приветствия. Я был возмущен этой ложью.

Прошло уже много лет, и я так и не вернулся к той наивной вере, в которой готовился обменять жизнь на видение Господа. Но где-то глубоко внутри, за разбитыми иллюзиями, осталось *нечто*. Меня всегда захватывали истории, которыми человечество пытается объяснить смысл своего существования, и со временем я понял, что «ложь» — в корне неверный дескриптор и содержания, и процесса возникновения даже самых фантастических их версий.

Люди не могут жить без историй. Мы окружаем себя ими, придумываем их во сне, рассказываем детям и платим за то, чтобы их услышать. Для одних создание историй становится профессией. Другие — включая и меня самого — всю жизнь посвящают их красоте, значению и влиянию.

Книга, которую вы держите в руках, следует за одной из самых примечательных историй во всем мире. Бог создает Адама и Еву, первого мужчину и первую женщину, и помещает их, нагих и не ведающих стыда, в райский сад. Господь говорит, что они могут есть от любого дерева, за одним исключением. В день, когда первые люди вкусят плоды дерева познания добра и зла, они должны умереть. Змей, коварнейшая из тварей, вступает в беседу с женщиной. Он рассказывает, что нарушение божественной заповеди приведет не к смерти, но к тому, что глаза людей откроются, и Адам с Евой уподобятся богам, знающим добро и зло. Поверившая Ева пробует запретный плод, делится им с Адамом, который также вкушает его. Глаза их и впрямь открываются: осознав свою наготу, они прикрываются листьями смоковницы. Бог зовет их к себе и спрашивает, что они натворили. Когда пара сознается, настает время различных наказаний: змей впредь обречен ползать по земле на брюхе и есть прах, женщинам предписано рожать детей в муках и стремиться к подчинению перед мужем, мужчины же должны трудиться в поте лица, пока не возвратятся прахом в землю, из которой вышли.

«Ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт. 3:19). Господь затем изгоняет людей из Едема, чтобы они не отведали плодов дерева жизни и не стали жить вечно. Вооруженный пламенным мечом Херувим становится на охрану сада, предотвращая попытки людей вернуться назад.

Изложенная в книге Бытия история Адама и Евы долгие века служила основой для понимания происхождения и судьбы человечества. На первый взгляд такое огромное влияние кажется почти невероятным. Подобный миф может поразить впечатлительного ребенка, каким был и я, но взрослые люди, как много лет назад, так и сейчас, легко выделяют бесспорно фантастические элементы истории. Волшебный сад; голые люди, пришедшие в мир таким образом, каким не был рожден никто и никогда, знающие, как общаться и вести себя, не имея за плечами отличительного для нашего вида опыта взросления; таинственное предостережение о смерти, которую новоявленные люди едва ли могли осознать; говорящие гады; дерево, таящее знание; дерево, обещающее бессмертие; сверхъестественные стражи с горящими мечами. Вымысел, легенда, непременно требующая от слушателя поддаться прелестям воображения.

И тем не менее миллионы людей, в том числе некоторые из самых проникательных и блестящих умов человечества, приняли библейское повествование об Адаме и Еве как неприукрашенную истину. Несмотря на множество доказательств, собранных геологией, палеонтологией, антропологией и эволюционной биологией, бесчисленное число наших современников продолжает воспринимать этот сюжет как исторически точное описание происхождения Вселенной и считать себя прямыми потомками жителей Едема. Не многие истории оказались столь живучи, столь широко распространены и столь настойчиво, навязчиво реальны.

1

Голые кости

Почему же история Адама и Евы, столь простая, занимающая всего полторы страницы из 1078 в современном издании Библии короля Якова*, оказывает такой эффект на наши умы? Услышав впервые в пять-шесть лет, ее уже не забудешь никогда.

Любое напоминание, самая грубая карикатура, тут же вызывает в памяти оригинальный нарратив — возможно, не во всех подробностях, но в общих чертах наверняка. Что-то в самом базовом устройстве этого рассказа пленяет наше воображение, и вырваться из-под его влияния абсолютно невозможно.

За долгие столетия библейский сюжет оброс мощными системами поддержки: учителя без конца повторяли его, институции вознаграждали верующих и наказывали скептиков, интеллектуалы выделяли нюансы и предлагали конкурирующие интерпретации, художники создавали на его основе яркие образы. И все же сама история кажется независимой от всех этих сложных построек, или, скорее, все последующие разработки питаются ее неисчерпаемой первобытной энергией, как если бы ядро ее было радиоактивно. Адам и Ева олицетворяют необъяснимую и бесконечную власть, которую имеет над нами акт повествования.

* Самый распространенный перевод Библии на английский язык. — *Прим. пер.*

По причинам, которые интуитивно ясны и одновременно совершенно необъяснимы, несколько абзацев древней книги служат зеркалом, отражающим наши страхи и желания на протяжении столетий. История освобождения и поругания, гимн ответственности и страшная сказка о порочности человека, хвала смелым и призыв к женоненавистничеству. Поразительно разнообразие откликов, рожденных за века бесчисленным числом отдельных людей и целых сообществ.

Древние раввины смотрели в это зеркало и пытались понять Божьи намерения: чем же люди заслужили такое внимание Творца? Зачем были созданы? Корпя над священными текстами¹, они заключили, что изначальное обязательство «возделывать сад» отсылает не к сельскохозяйственным работам, а к изучению Торы, в котором они сами проводили дни и которое считали высшей целью в жизни.

Ранние христиане по большей части фокусировались не на врожденных склонностях Адама к познанию, а скорее на опустошительной потере Едема, вызванной непослушанием. Отражение, смотрящее на них со страниц Библии, говорило о грехе и его последствиях. Вслед за Павлом они проследили мучительный, универсальный, неизбежный факт смерти до действий первых людей, соблазненных ко злу дьяволом. Но они утешались верой в нового Адама — Иисуса Христа, — уничтожившего собственным страданием и смертью тот ущерб, что нанес первый человек. Они горячо надеялись, что грандиозная жертва Мессии позволит верующим восстановить утраченную невинность и вновь обрести рай.

Исламские *муфассиры* (толкователи Корана) меньше раздумий посвящали прегрешениям Адама, и больше — его роли первого божьего пророка. Коран, датируемый VII веком н. э., напоминал раннехристианские тексты в том, что сатана (Иблис) был представлен гордым и вероломным ангелом, склонившим первых людей к неповиновению.

Позднее комментаторы уточнили, что соблазнитель принял форму не змеи, а прекрасной верблюдицы: «У нее был разноцветный хвост, красный, желтый, зеленый, белый, черный, грива из жемчуга, волосы из топаза, глаза, как планеты Венера и Юпитер, и аромат, подобный мускусу, смешанному с амброй»². Адам и Ева были изгнаны из рая за свои прегрешения, а их потомки впредь всегда должны быть бдительны: «О, потомки Адама! Пусть сатана не искусит вас, подобно тому, как он (уже) вывел ваших прародителей из Рая»^{*}. Но исламская традиция трактовала приведший к изгнанию проступок как ошибку, а не как ужасное преступление, переданное всему потомству. После изгнания Адам взял на себя роль хранителя земли и религиозного учителя. Он стал фигурой пророческого озарения, первым в линии, приведшей к пророку Мухаммеду, который направил человечество обратно к свету Аллаха.

На протяжении всей поздней Античности, Средневековья и эпохи Возрождения широкий круг специалистов исследовал значение судьбы, постигшей Адама и Еву. Испытывая потребность погрузиться в неустанное изучение, они зарывались в книги: в сердцах толкователей отзывался каждый аспект злодейства, каждый покаянный порыв умерщвлять свою плоть и сокрушать мятежную гордость, стремление к пророческому вдохновению, мечта об идеальном очищении в конце времен и возвращении к вселенскому блаженству. Аскеты, размышляя об искушениях плоти, изучали стихи Писания в поисках подсказок об альтернативных, изначально задуманных способах размножения. Врачи анализировали возможную пользу для здоровья вегетарианской диеты, которой наш вид довольствовался в Едеме. Лингвисты пытались определить язык, на котором говорили Адам и Ева, найти его следы в наречиях современности. Натуралисты размышляли об экологическом устройстве потерянного мира, где окружающая

^{*} Здесь и далее перевод Корана Абу Аделя. — *Прим. пер.*

среда была неизменна в своем изобилии, а отношения между людьми и животными были совсем другими. Эксперты по религиозному праву из иудеев и мусульман исследовали доктринальные и юридические последствия библейской истории происхождения и грехопадения. Во всех трех монотеистических сообществах философы обсуждали ее этическое значение. А в христианском мире художники с радостью приняли приглашение изобразить человеческое тело во всей его красоте и позоре.

И прежде всего обычные люди — люди, которые слышали рассказ с кафедры, или видели его изображенным на стене храма, или узнали его от родителей или друзей — снова и снова обращались к Писанию за ответами на вопросы, которые ставили их в тупик. Библия помогала объяснить или, по крайней мере, выразить то, что больше всего беспокоило их в половом акте, супружеских ссорах, переживании физической боли и изнурительного труда, утратах и скорби. Они смотрели на Адама и Еву и, подобно раввинам, священникам и мусульманским экзегетам, узнавали нечто очень важное о самих себе.

История Адама и Евы обращена к нам всем. Она объясняет, кто мы, откуда пришли, почему любим и почему страдаем. Ее огромный охват кажется частью какого-то гениального плана. Хотя она служит одним из краеугольных камней трех великих мировых религий, она предшествует (или претендует на то, чтобы предшествовать) любой из них. В ней отражено странное отношение нашего вида к труду, сексу и смерти — аспектам существования, которые мы разделяем со всеми животными, — как к объектам возможных манипуляций, как будто они зависят от наших действий. Как будто все могло быть иначе.

История гласит, что мы созданы по образу и подобию Бога, сотворившего нас. Что Бог дал нам господство над всеми другими тварями и кое-что еще: запрет. Запрет без разъяснений или причин. Но в начале времен не было нужды в понимании, только в послушании. Неповиновение

Адама и Евы, нарушение воли Бога стало причиной всего, что определило жизнь нашего вида, от универсального феномена стыда до универсального факта смертности.

Упорство в буквальной трактовке — вера в реальных Адама и Еву в реальном саду — стало одной из точек опоры христианской ортодоксии. Эта настойчивость лежит в основе моего собственного увлечения сюжетом об Адаме и Еве. Как вымысел преобразуется в реальность? Как каменная статуя может начать дышать или марионетка научиться самостоятельно вставать и танцевать без веревочек? И что происходит, когда персонажи ведут себя так, как если бы они были живыми? Не обрекает ли их на смерть само стремление к жизни?

Колоссальный успех библейского сюжета, один из величайших триумфов искусства и литературы, имел непредвиденные последствия. Адам и Ева приблизились к поразительно реалистичным языческим статуям, найденным на руинах Греции и Рима. Первых людей судили по тем же нравственным меркам, что и ныне живущих. Их сравнивали с недавно открытыми племенами полуголых мужчин и женщин в Америке — не ведающими стыда, предписанного всем людям после падения. Именно в силу своей материальности история Адама и Евы вызывала сложные вопросы об усвоении языка в начале времен, о сексуальных отношениях, расах и смерти.

Чувство реальности происходящего только усиливалось благодаря болезненным проблемам, которые возникали вокруг древней истории происхождения: что за Бог запретит своим созданиям знать разницу между добром и злом? Как эти существа могли повиноваться без понимания? И что такое угроза смерти для тех, кто никогда не видел смерти и не мог знать, что это такое? Церковные и светские власти сурово наказывали скептиков, которые настаивали на этих вопросах, но невозможно было подавить беспокойство, которое парадоксальным образом коренилось в самом успехе и «вещности» мифических первых

людей. С эпохой Просвещения сомнения умножились, и их больше нельзя было игнорировать. Впереди был ясный скептицизм Спинозы, пронизательный взгляд Чарлза Дарвина и глумливый смех Марка Твена.

Естественно-научные коллекции по всему миру гордятся своими голотипами³. Их называют также типовыми экземплярами — это единичные, официально признанные образчики целого вида. *Вот это* существо из Музея зоологии позвоночных Калифорнийского университета является для всего научного мира моделью желтобрюхого тритона (*Triturus similans Twitty*), а *этом* череп из Национального центра поддержки исследований (CNAR) в Нджамене, Чад, представляет собой образец уникального вымершего примата *Sabellanthropus tchadensis*. Усилия по выявлению и сохранению типовых экземпляров начались еще в XVIII веке. Типовой экземпляр серого волка, *Canis lupus*, описанный в 1758 году великим зоологом и ботаником Карлом Линнеем, находится в Шведском музее естественной истории в Стокгольме вместе с большим количеством других голотипов, которые Линней и его преданные ученики идентифицировали впервые. Кстати, типичным представителем нашего собственного вида, *Homo sapiens*, стал не кто иной, как сам Линней. В Национальном гербарии США в Вашингтоне хранится около 110 000 голотипов растений. В Музее зоологии позвоночных в Беркли сохранены голотипы 364 млекопитающих, 174 птиц и 123 рептилий и земноводных. Во «влажных коллекциях» Музея естественной истории в Берлине представлено бесчисленное количество банок с морскими обитателями, плавающими в этаноле. Некоторые банки отмечены красными точками, которые указывают на то, что здесь представлен голотип.

Каждый голотип назначается таковым тем человеком, который открыл новый вид, а затем назвал и описал его в соответствии с определенными формальными критериями в научной статье. Успешно опубликовав статью и поместив образец в соответствующую коллекцию, первоот-

крыватель считается «автором» вида. Таким образом, голотип становится объективным носителем научного названия, каждый — лакмусовая бумажка, по которой могут быть определены ключевые черты целого вида. На сегодняшний день найдено почти два миллиона видов организмов. По оценкам ученых, всего на Земле их насчитывается около девяти миллионов.

История Бытия предполагает, что Бог провел каждого зверя земного и птицу небесную одну за другой перед Адамом, чтобы те получили имя, — процедура, чем-то напоминающая то, как ученые дают названия голотипам. В тексте не указывается, какой язык использовал Адам, сколько времени занял этот процесс и когда он имел место. Комментарии к Библии традиционно разъясняли⁴, что это произошло в тот же день, когда был сотворен мужчина, поскольку Бог создал женщину уже после процедуры наречения (большинство комментаторов не желали верить, что Адам очень долго жил один без пары). Некоторые толкователи задавались вопросом, могли ли наиболее вредоносные насекомые каким-то образом появиться и получить свои имена *позднее*, в результате человеческого греха, а не в рамках первоначального плана. Других немного беспокоила рыба, поскольку в Библии упоминаются только существа, обитающие на суше и в воздухе. «Почему к Адаму не привели рыб?» — вопрошал в 1622 году английский священник и ученый-самоучка Александр Росс, а затем сам же отвечал: «Потому что они не столько похожи на человека, сколько звери: во-вторых, потому что они не были человеку помощниками, в-третьих, потому что они не способны жить вне воды»⁵.

В небе и на земле обитает куда больше разных существ, чем могли вообразить авторы Библии. Но тот, кто записал эту историю тысячи лет назад, понимал (как поняла и современная наука), что однозначно описать весь вид можно только через конкретного его представителя. Человек из первой главы Бытия является, по сути, голотипом челове-

чества. Бог создал это существо и бережно выпустил его — разумеется, обнаженным — на землю в качестве типового образца. Когда вы рассматриваете Адама, вы рассматриваете и конкретную личность, и человечество в целом.

В случае с Адамом, утверждает Библия, мы говорим не просто о представителе, но о прародителе вида. И здесь современные научные коллекции имеют свои эквиваленты, в данном случае не голотипы, а окаменелости тех, кого можно считать нашими предками. Самая известная из них — «Люси», особь самки австралопитека афарского, жившая около 3,2 миллиона лет назад, чьи кости (несколько сотен фрагментов) были найдены американским антропологом Дональдом Джохансоном в Эфиопии в 1974 году. Джохансон и его команда назвали скелет в честь песни *The Beatles* — *Lucy in the Sky with Diamonds*, которую постоянно слушали в своем лагере.

Магия «настоящего» имени придала этому чрезвычайно далекому и непрямому предку — ныне хранящемуся в Национальном музее Эфиопии в Аддис-Абебе — особую привлекательность. Люси была ростом примерно 110 сантиметров, с маленьким мозгом — как у шимпанзе, а совсем не как у современных людей, которые появились в Африке более чем через 3 миллиона лет после того, как родичи Люси бродили по земле. Но самое главное — она не раскачивалась на деревьях. Вместо этого Люси ходила на своих двоих. Никто не утверждает, что она прародительница человечества, но есть очень веские доказательства того, что наш вид, *Homo sapiens*, имеет значительную степень родства с Люси. Гоминини (триба, включающая современных людей и наших ближайших вымерших родственников) произошли от таких двуногих приматов.

Последствия этого открытия были огромны и горячо оспаривались. Когда-то казалось возможным провести прямую линию: мы, *Homo sapiens*, находимся на самой высокой ветви великого дерева жизни. Изучая последовательно наших вымерших предков, мы могли очень аккуратно про-

следить эту ветвь обратно к стволу и обозначить этапы, через которые мы прошли, чтобы достичь нашего нынешнего (и, конечно же, великолепного) состояния. Теперь, когда обнаруживается все больше и больше окаменелостей — *Paranthropus boisei*, *Homo habilis*, *Homo rudolfensis*, *Homo ergaster*, *Homo erectus*, *Homo heidelbergensis*, *Homo neanderthalensis*, *Homo naledi* и т. д., — наша общая история становится все сложнее. Наше происхождение, недавно написал один эволюционный биолог, напоминает не столько одну ветвь, сколько «целый пучок веток — или даже можно представить его как целый раскидистый куст»⁶.

В комнате на пятом этаже Музея археологии и этнологии Пибоди известный палеоантрополог (то есть тот, кто изучает наши родственные связи с другими видами) Дэвид Пилбим любезно согласился показать мне некоторые из этих «веток». К моему приезду он разложил кости (а также гипсовые и пластмассовые слепки), некоторые в картонных коробках на столах с пластиковым покрытием, другие собрал в скелеты и поставил на маленькие платформы с колесиками. Каждый экспонат — прыжок назад в прошлое, измеряемое миллионами лет до наших дней.

Здесь и копия Люси в специальной коробке с целлофановым покрытием, напоминающей нечто, доставленное цветочным магазином для торжественного события — в данном случае, надо полагать, похорон. Смотреть, честно говоря, особо не на что: фрагменты черепа и часть нижней челюсти, несколько ребер, крестец и часть таза, фрагменты ног и рук. Рядом на подставке стоит реконструированная и более полная модель австралопитека. Тут же скелет шимпанзе — Пилбим показал на тонкие различия между его строением и комплекцией Люси. Они и правда едва уловимы: без его чуткого руководства я бы пропустил почти все из них и ни за что не догадался бы, что только один из экспонатов относится к моему биологическому виду.

Самая древняя окаменелость в комнате принадлежала сахелантропу чадскому. Я бы решил, что это череп малень-

кой обезьяны, но Пилбим, как опытный палеодетектив, указал на явные признаки того, что этот примат, вероятно, стоял прямо и ходил на двух ногах. Если так и было, то сахелантроп очень рано овладел этим навыком; окаменелость датирована примерно 7 миллионами лет назад, то есть вскоре после того, как разошлись последние общие предки: одна линия привела к шимпанзе, а другая — к нам.

Оглядывая комнату и проносясь через миллионы лет, я испытал в легкой форме то беспокойство, которое заставило ученых засомневаться в идее человеческой эволюции как стабильного поступательного развития по ясно определенному пути. Предок-сахелантроп, если не понимать тончайших нюансов, казалось, находится куда дальше от нас, чем неандерталец — с толстой, как у гориллы, костью, но почти человеческим черепом⁷.

Точность измерений, анализов и интерпретаций скелетов в палеонтологии растет: конфигурация зубов, увеличивающийся размер черепной коробки, таз и позвоночник (позволяют нашему виду ходить прямо), лопатки (помогают метать смертоносные снаряды). Но то, что когда-то казалось триумфальным шествием прогресса, — как на тех рисунках, которые начинаются с волосатой обезьяны и заканчиваются человеком, сидящим за компьютером, — теперь теряется в сотнях обходных путей и фальстартов, пересекающихся тропинок и тупиков. Трудно найти прямую дорогу в зарослях.

Но исчезновение главной магистрали не ставит под угрозу теорию эволюции. Напротив, Дарвин с самого начала настаивал на случайности мутаций, за которыми следует корректировка естественного отбора, приводящего к появлению новых видов. Тем не менее страшно оглядываться вокруг и видеть пустыню прерванных и перекрещивающихся путей. Дэвид Пилбим когда-то опубликовал книгу под названием *The Ascent of Man* («Восхождение человека»). Не думаю, что сегодня он выбрал бы такое название.